

AP
3413

Отдѣльный оттискъ изъ Христіанскаго Востока.

Томъ V, выпускъ I.

20

I. ОРВЕЛИ.

ДВА СЕРЕБРЯНЫХЪ КОВША XVI ВѢКА

СЪ АРМЯНСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЯМИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1916.

Ар ✓
3413

417(Ар)
0-636

2000

Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями.

Докладъ, читанный 25 апрѣля 1913 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общ.

I.

Въ мартѣ 1913 года Н. Н. Пальмовъ прислалъ изъ Кіева въ редакцію «Христіанскаго Востока» фотографіи серебрянаго ковша, принадлежащаго неизвѣстному частному лицу, съ просьбой прочесть вмѣющіяся на ковшѣ армянскія надписи. Получивъ согласіе владѣльца на изданіе надписи и фотографій ковша, Н. Я. Марръ передалъ снимки для разбора мнѣ.

Ковшъ, изображенный на этихъ фотографіяхъ (табл. I, II), обычной для русскихъ¹⁾ ковшей формы: круглая, точнѣе — нѣсколько овальная, чаша съ плоской ручкой, сначала поднимающейся вверхъ въ видѣ продолженія стѣнки, а затѣмъ горизонтально загнутой; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, края ковша поднимаются вверхъ въ видѣ острого мыса.

Вся чаша, кромѣ верхняго борта, украшена рельефными ложками, направляющимися отъ окружности ко дну не по прямой линіи, а съ сильнымъ изгибомъ. Внизу ложки утоньшаются и сглаживаются,верху сильно углубляются; дно снаружи гладкое. Промежутки между краями ложекъ вверху, имѣющіе приблизительно форму треугольниковъ, заполнены рельефными (въ толщину листа) изогнутыми растительными побѣгами. По верхнему краю ковша снаружи идетъ лента бортика, на которомъ читается армянская надпись. Обращенная наружу сторона ручки прерываетъ надпись довольно красивымъ сложнымъ листомъ, вмѣющимъ въ серединѣ и по сторонамъ растительные побѣги; небольшой простой листикъ украшаетъ противоположную сторону ковша. По верхнему краю стѣнокъ ковша на ребрѣ — плетеный жгутъ изъ трехъ двойныхъ лентъ. На верхней горизонтальной поверхности ручки также читается армянская надпись. Нѣсколько армянскихъ буквъ вырѣзано на нижней поверхности того же загиба.

1) Ср. также два ковша, серебряный и золотой, изъ кургановъ близъ ст. Бѣлорѣченской Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, 266, 267; ОИАК, 1895, стр. 31, 33).

218 3343

(10812.60)

3413-2000

На верхней части ручки чаша помѣщена дата: $\overline{\text{ՅԵ}}$

Въ раскрытомъ видѣ дата читается: ԹՎ.ԽԿ. ՉԼԸ: *Лѣта 998.*

На нижней поверхности ручки ковша пмѣется еще одна надпись строчными вѣззанными прямыми буквами; впрочемъ, послѣдняя буква близка къ инициальному начертанію. Надпись читается:

$\overline{\text{ՉԸ}}$
 $\overline{\text{ՉԸ}}$

Представляется нѣсколько возможныхъ чтеній этихъ двухъ словъ. Первое слово, $\overline{\text{ՅԵ}}$, можно читать *Յարոն* *паронъ*, *господинъ* или *Պետրոս* *Петръ*. Второе, $\overline{\text{ՉԸ}}$, можно читать или *Վարդան* *Варданъ* или *Վարդապետ*, послѣднее едва-ли въ значеніи: *wardanetz*, *doctor*, а скорѣе *мастеръ*, въ каковомъ значеніи это слово имѣемъ не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ весьма позднихъ¹⁾; то же слово имѣемъ въ современномъ *վարպետ* *мастеръ*²⁾. Такимъ образомъ, эти два слова могутъ читаться или *Յարոն Վարդան* *паронъ (господинъ) Варданъ*, или *Պետրոս Վարդանես* *Петръ Варданянъ*, или *Պետրոս վարդապետ* *варданетъ Петръ, мастеръ Петръ*. Конечно, послѣднее чтеніе, наименѣе вѣроятное по формѣ, наиболѣе соблазнительно по своей опредѣленности; противъ признанія въ этихъ словахъ имени мастера могли бы говорить небрежность и несовершенство вырѣза буквъ, да и вообще весь характеръ этой надписи, хотя она и вырѣзана на приготовленномъ мѣстѣ, вродѣ цитка, на фонѣ усыпанной углубленными точками ручки.

Внутри ковшъ украшенъ прикрѣпленной ко дну плоской бляшкой (табл. III), окруженной жгутикомъ и вырѣзными фестонами, съ грубоватымъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры въ облаченіи, въ орарѣ и въ тѣлѣ, съ нимбомъ; правая рука благословляетъ, лѣвая держитъ книгу и посохъ. По сторонамъ фигуры помѣщается рельефная инициальная надпись:

ՍԲ	ԼՈ
ՉԸԸ	ԻՍՍ
ՉՈ	ԻՈ
Ը	ԸԸ

1) Напр., въ записи битлисца махеси Шахмурада о его пребываніи въ Версали въ 1683 г. Издана въ журналѣ *Семнедзельникъ*, издававшійся въ Тифлисѣ), окт. 1850 г., стр. 99.

2) *վարպետ* или *վարդապետ*, быть можетъ черезъ *վարդապետ*, каковую форму встречаемъ въ надписи Сахмадина о постройкѣ дворца въ Мренѣ въ 1276 г.; см. П. Марръ, Нов. матер. по арм. эпигр. (ЗВО, VII), стр. 83; I. Орбели, Надписи Мрена (ИЭЭ, II), вад. 1.

иногда четыре двубуквенныя: *Святой Григорій Просвѣтителъ.*

Несомнѣнно, эта бляшка не современна ковшу и прикрѣплена была къ нему, когда ковшь уже быть готовъ, быть можетъ спустя много времени послѣ его изготовления; непригодность бляшки къ занимаемому ею мѣсту, грубая закладка, которыми она прикрѣплена, значительная грубость работы по сравненію съ ковшемъ, форма буквъ, существенно отличающихся отъ буквъ главной надписи, идущей по борту ковша, подтверждаютъ это. Вѣроятно, эта бляшка, по справедливому предположенію Н. Н. Пальмова, представляетъ половину нагрудной пряжки отъ фелони или ризы.

Время изготовления ковша точно опредѣляется приведенной выше датой — 998 г. арм. эры, т. е. 1549 г. по Р. Х. Что же до мѣста изготовления ковша, то ни его общій видъ, ни детали его отдѣлки не даютъ основанія для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса; впрочемъ, ковшь по формѣ тяготѣетъ, какъ было указано, къ аналогичнымъ русскимъ памятникамъ. Рѣшенію вопроса можетъ помочь лингвистическій матеріалъ, которымъ мы тутъ располагаемъ, — языкъ надписи, представляющей, несмотря на ее краткость, значительный интересъ для армянской диалектологіи.

Въ надписи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія необычныя формы: *ՄՈՅ ԷՊՈՒՅ, ԵԼԻՅ ՍՈՒՄԱՅ, ՅՈՐ ԱԶԿԵՆՈՒՅ ՕՒՑԱ ԵՍԱՆԱ, ՅՐՈՒՄ ՏՈ, ՏՅՈՍՈ.* Большой интересъ могло бы представить прочитанное мною въ литературной формѣ слово *ՍՐԶԿԱՍ*, столь типичное въ его разновидности для различныхъ армянскихъ нарѣчій, но оно, къ сожалѣнію, написано сокращенно, подъ титломъ.

Народная форма имени *Іоаннъ* *ԱԶԿԵՆ* въ литературнаго *ՅՈՐ ՏՅԱՆՆԵՆԻ* сама по себѣ не можетъ намъ дать ничего, такъ какъ она не типична и встрѣчается въ цѣломъ рядѣ армянскихъ говоровъ.

Слово *ՅՐՈՒՄ*, несомнѣнно звучавшее въ устахъ автора надписи *ՏՅՐ ԽՐԻ* или, что болѣе вѣроятно, *ՏՅՐԻ ԽՐԻՍՏՈՍ*, могло бы представить цѣнную данную, если бы можно было утверждать, что начальный *Յ* принадлежитъ къ составу мѣстоименія, а не является предлогомъ, соответствующимъ предлогу *Է*, стоящему въ началѣ этого стиха¹⁾. Что же до мѣстоименія *ԽՐԻՍՏՈՍ*, то тутъ мы, безспорно, имѣемъ случай простой безграмотности, явленіе орфографическое, а не языковое; единственное, на чемъ можно было бы настаивать — что авторъ надписи или мастеръ произносилъ это мѣстоименіе не *Խրի* или *Խր*, какъ это имѣемъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, а *ուր*, какъ въ литера-

1) Мнѣ кажется, это мѣсто надписи надо понимать такъ: *Է ՏՅՐ ԱԶԿԵՆՈՒՅ ՕՒՑԱ ԵՍԱՆԱ, ՅՐՈՒՄ ՏՈ, ՏՅՈՍՈ.*

турномъ языкѣ; иное чтеніе слова *խոր*, мнѣ кажется, невозможно: произношеніе его: *hur* не могло бы быть оправдано никакой діалектической формой этого мѣстоименія.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нарѣчія, на которомъ составлена наша надпись мы располагаемъ только тремя надежными формами: *խոր* (isa), *խի* (ihs) и *խոր* (har). При малой изученности армянскихъ говоровъ и даже нарѣчій, быть можетъ, рискованно указывать опредѣленно одинъ діалектъ, которому могутъ принадлежать указанные слова, но, мнѣ кажется, данныя языка надписи подтверждаютъ то, что подсказываетъ форма ковина: единственное нарѣчіе, въ которомъ возможны и сосуществуютъ все три различныя въ надписи діалектическія формы — нарѣчіе польскихъ и крымскихъ (и нахичеванскихъ) армянъ¹⁾.

Составляющее особенность первыхъ двухъ формъ, isa и ihs, появленіе (или сохраненіе) гласнаго *i* (имѣющаго въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ особое объясненіе) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, даже тамъ, гдѣ это не вызывается стеченіемъ согласныхъ и не можетъ быть объяснено исторіей слова, наблюдается въ армянскомъ вообще довольно рѣдко; въ крымскомъ и польскомъ говорахъ оно весьма распространено. Эти же самыя слова у крымскихъ армянъ звучатъ *խոր* isa *этомъ*, *խի* ihs *іицъ* *полный*, *խի* ihs *іицъ* *полный до краевъ*²⁾. Въ матеріалахъ по польско-армянскому Hapusz'a³⁾ этихъ именно словъ не встрѣчаемъ⁴⁾, но зато имѣемъ совершенно аналогичныя *ihs* тамъ, *ihs* тутъ, *ika* и *приходить*, *ika* *полкъ*, *ihs* *Львовъ*⁵⁾. Слово *խի* ihs встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ говорахъ, напр. въ битлшскомъ⁶⁾, но указательныя мѣстоименія въ этихъ говорахъ, въ случаяхъ приращенія гласной, звучатъ не съ

1) Намѣчающіеся языковые факты съ достаточной убедительностью говорятъ за признаніе если не тождества, то ближайшаго сродства говоровъ крымскихъ и польскихъ армянъ.

2) Форма *іицъ* (разумѣется, — турецкое образованіе отъ армянской основы) подтверждаетъ распространенность формы *іицъ* и не случайность начальнаго *i*: если бы тутъ имѣлась форма *ицъ*, то усилительное турецкое образованіе отъ нея звучало бы *ицицъ*.

3) Dr. Jan Hapusz, O języku Ormiań polskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XI, Краковъ, 1886). Въ цитатахъ изъ статьи Hapusz'a сохранена его транскрипція.

4) У Hapusz'a указанъ лишь глаголъ *իւնի* (s. v.).

5) Hapusz, s. vv.

6) См., напр., въ упоминавшихся выше записи Шахмурада, стр. 99, *խի* ihs *іицъ*. Аналогичная форма для начала XV вѣка засвидѣтельствована и въ указанномъ мнѣ Н. Я. Марромъ стихотвореніи Пагаша выраженіемъ *ալի* ihs *ири* (см. К. Костанянцъ, *ՊՂԻՆԻ ԳԵՂԵՆԻ ԵՎ ԻՆՍՏԻՏՄԱՆԻ ԳԵՂԵՆԻ*, Вагарни, 1898, стр. 36; издатель совершенно напрасно даетъ чтеніе *ի* *и* *и*).

ʃ в началѣ, а съ *ʀ* или *ʁ*: *ʀuu* əsa, *ʀuu* əfa, *ʁuu* əta; мѣстоименія *ʃuu* isa, *ʃuu* na имѣемъ въ киликійскомъ нарѣчій¹⁾.

Наиболѣе характерное изъ трехъ интересующихъ насъ словъ — *ʃuu* ʃar *отецъ*. Переходъ дифтонга *aj* въ *a* (или соотвѣтствіе *a* дифтонгу *aj*) наблюдается съ полной выдержанностью лишь въ группѣ польскаго и крымскаго говоровъ. Въ польско-армянскомъ имѣемъ такія формы, какъ *adz* *коза*, *sa* *зоукъ*, *gadz* *искра*, *gadzag* *молнія*, *ka* *оолкъ*, *ʃan* *широкій*, *ʃhad* *дерево*, *ma* *мать*, *marabetka* *монахиня*, *astvadzamar* *Богоматери* и *ʃar* *отецъ*²⁾. Съ такой же яркостью это явленіе наблюдается въ говорѣ крымскихъ армянъ. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ и въ карабахскомъ нарѣчій, въ которомъ, однако, невозможна форма *ʃʁʃ* *im*.

Хотя замѣна дифтонга *aj* если не звукомъ *a*, то *ā* и наблюдается въ нѣкоторыхъ другихъ (южныхъ) нарѣчійхъ, слово *ʃuu* ʃar тяготѣеть, несомнѣнно къ указанной крымско-польской диалектической группѣ: сохраненный въ началѣ слова звукъ *ʃ* *h* не позволяетъ отнести слово къ составу южныхъ нарѣчій, гдѣ вмѣсто этого *ʃ* *h* имѣемъ всегда *ʃ* *q*³⁾; къ тому же во всѣхъ этихъ нарѣчійхъ такія слова, какъ *ʃuu* ʃar *hajr*, *ʃuu* ʃar *majr*, *ʃuu* ʃar *gaj* звучать не съ *a*, а съ *e*: *ʃʁʃ* *qer*, *ʃʁʃ* *mer*, *ʃʁʃ* *kel*; въ киликійскомъ, прекрасно сохранившемъ дифтонгъ *aj* форма *ʃar* невозможна.

Если правильно утвержденіе, что надпись на ковнѣ составлена на польско-крымскомъ нарѣчій, въ пользу признанія за нашимъ ковномъ польско-армянскаго, а не крымскаго, происхожденія можно привести нѣкоторыя историческія данныя, позволяющія намѣтить болѣе точно мѣсто изготовленія ковна.

Въ 1912 г. во Львовѣ вышло въ высшей степени интересное и цѣнное для насъ изслѣдованіе В. Лозинскаго, представляющее очеркъ развитія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Польшѣ и специально во Львовѣ въ XIV—XVIII вв.⁴⁾ Изслѣдованіе основано какъ на вещественныхъ памят-

1) См. Karst, Hist. Gramm. d. Kilikisch-Armen., стр. 241.

2) Palusz, s. vv. Форма *ʃar* *материнскій* не нарушаетъ выдержанности указаннаго перехода, т. к. это слово въ данномъ случаѣ явно литературнаго происхожденія.

3) Эта данная, конечно, сама по себѣ, безъ послѣдующей посылки, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, нашу надпись нельзя разсматривать какъ точную фонетическую записку, и наличие *ʃ* *h* можно объяснить и вѣрностью грамматически-правильному литературному написанію.

4) Такъ напр., въ моксскомъ *ʃ* *an*, *ʃ* *at* *монъ*.

5) Władysław Łozinński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII, Львовъ, 1911-12). Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность Я. И. Смирнову за указаніе мнѣ трудовъ Лозинскаго, упоминаемой ниже статьи въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany* и вообще литературы по этому вопросу.

никахъ, такъ и на документахъ, хранившихся въ Львовскомъ городскомъ и въ частныхъ архивахъ и собранияхъ; обстоятельныя и точныя ссылки на источники придають труду Лозинскаго большой интересъ. Въ этомъ трудѣ мы находимъ въ перечислѣ львовскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ много армянскихъ именъ; число этихъ именъ должно быть нѣсколько увеличено, такъ какъ Лозинскій, по незнакомству его съ армянскимъ языкомъ, могъ не признать въ нѣкоторыхъ мастерахъ армянтъ. Въ сообщаемыхъ имъ значкахъ львовскихъ гражданъ¹⁾, въ томъ числѣ, повидному, и мастеровъ, можетъ быть указано и среди неизвѣстныхъ по владѣльцамъ²⁾ Лозинскому значковъ нѣсколько армянскихъ лигатуръ, да и среди упоминаемыхъ въ книгѣ, не признанныхъ армянскими именъ, можно было бы указать таковыя³⁾.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, располагая богатымъ матеріаломъ касательно мастеровъ поликовъ и вообще католиковъ, мы, какъ это подчеркиваетъ и Лозинскій, не имѣемъ свѣдѣній о значительной части мастеровъ-инородцевъ («націоналистовъ»), и «схизматиковъ», какъ русины и армяне, и нехристианъ, евреевъ. Объясняется это пренятетвiями, долгое время, для армянъ вылогъ до середины XVII вѣка, непреодолимыми, ко вступленію ихъ въ цехъ⁴⁾. Еще въ 1600 году это положеніе армянъ и русиновъ было закрѣплено цеховымъ статутомъ, дающимъ и любопытное обоснованіе этихъ ограниченій⁵⁾. До 1654 г. ни одинъ армянинъ не былъ принятъ въ этотъ цехъ; въ этомъ году особый королевскій указъ открылъ армянамъ доступъ въ цехъ, но въ ограниченномъ числѣ, не свыше четы-

1) Złotnictwo, стр. 164—165; W. Łozinński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, Львовъ, 1892, стр. 386—387.

2) Впрочемъ, см. Patrycyat, стр. 390.

3) Трудность опознания армянской національности въ средѣ польскихъ ювелировъ, какъ и вообще колониальныхъ армянъ, объясняется тѣмъ, что ихъ имена не только подвергались частичнымъ измѣненіямъ (напр., принимали польскія окончанія, какъ Мовлесовичъ, Дадуровичъ, Сабаковичъ), но и переводились на мѣстный языкъ (напр., Серебряковичъ, Богдановичъ); еще труднѣе признать армянъ въ лицахъ, просто перемѣнившихъ фамилію (какъ Стенко).

4) Wiedzieć nadto należy, że źródła wspomniane nie obejmują w tym samym stopniu złotników niekatolickiego lub niechrześcijańskiego wyznania, Rusinów, Ormian i żydów.... Ormian, bo także jako akatolicy do cechu należeć nie mogli, a spory ich w najznaczniejszej części rozstrzygały się przed ich własnym urzędem... (Złotnictwo, стр. 18).

5) Въ статуті говорится: «Ізъ всьхъ рзѣдъ пръ Іасце і бiогославiенствiе Водемъ најспокојнiешы быва, к'тiему зiотниче ремiесло потребуе людъi доброго сумнiенiа, кiоге въ католичкiей вiерзе најлепей zachowane быс може, не маю зiотничы лwовскы мiежду собою cierpieć ani przyjmować żadnego mistrza heretyka ani schizmatyka, tylko katoliki, oprócz jeściby się który z schizmatyków, jako Rusin i Ormian, do naszi kościoła rzymskiego powszechnego przywrócił». (Złotnictwo, стр. 36).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латыновича¹⁾. Только въ 1685 г. Янъ Собѣскій, «wielki przujaściel Ogólny», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 іюня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравнены, de facto взяли верхъ»³⁾.

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), слѣдовательно во время, съ котораго удастся прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ подымающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное влияние въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) Złotnictwo, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ цехмистромъ другой армянинъ, Порсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (Złotnictwo, стр. 139—141) приводитъ крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, męstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi tejże nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzpedy oczywistą potrzebę....». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латынцамъ (osobliwie *ritus romani*).

3) Złotnictwo, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) Złotniwo, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ больше всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, колчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾.

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Պետրոս Վարդապետի*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подъ 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечоговичемъ, упоминаемымъ подъ 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого — не отрицаю — рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣе тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянтъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ переплавки почти современный нашему ковшу прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлинскаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковшѣ Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) *Złotnictwo*, стр. 61.

3) *Złotnictwo*, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *չեփոտ* «чечот» значитъ по армянски *рабой*, фамиліи Чечотенцъ, которая у польскихъ армянтъ должна была звучать Чечотовичъ, — встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотовича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе приемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szczęotka* *чечотка*, *копюльница*.

4) Лозинскій останавливается (*Złotnictwo*, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія большей части произведеній польскихъ, въ частности — львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и недурное изображеніе его и штриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Јуліг'а: *dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi(=hadag)*. Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog'ę warszawskiej wystawy starozytności* (№ 549), а фотографія его — въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie par Charles Beyer*).

ՅԳԵՐԵՆԻՐԴԻՆ Զ ԱՂԴԵԱՍԻՆ

ՅԵԻՐՆԹՂԱՅ ԹՎ ԶԳԶ ՅԻԵ

ՅԵՂԱՍԻՆ, ՅԻՇԹԻՆ ՈՐԴԱՆ ԱՆՏԵՍԻՆԻՆ ԵՒ ԻՆԹՂԱՅ ԹՎ ԶԳԶ: *Память
Давида, сына Андрея, и родителей. Лыта 966.*

Исчерпывающее собраніе всѣхъ подобныхъ памятниковъ или хотя бы литературныхъ свѣдѣній о нихъ крайне желательно¹⁾.

Вопросъ этотъ для армянословъ весьма важенъ. Ковшъ Іоанна снова выдвигаетъ вопросъ о необходимости возможно полнаго и восторонняго изслѣдованія польскихъ, а въ связи съ ними и крымскихъ, армянъ. Армянская колонія въ Польшѣ, когда-то очень обширная, съ теченіемъ времени быстро исчезаетъ, нивелируясь съ культурно сильными сосѣдями; тщательно охраняя свою національность (избѣгая смѣшанныхъ браковъ) и религію (они долго и успѣшно выдерживали ожесточенную борьбу съ латинствомъ), польскіе армяне оказались не въ силахъ въ должной мѣрѣ сохранить родной языкъ. Уже въ 1889 г., когда Нанусъ работалъ въ Кутахъ, въ Галиціи, среди 1400 душъ армянъ было около только 500, знающихъ родной языкъ. Необходимо спѣшить съ изученіемъ исчезающаго нарѣчія. Изученіе польско-армянскаго нарѣчія выводитъ насъ далеко за предѣлы узко-лингвистическихъ интересовъ. Уже теперь знакомство съ нимъ и съ нарѣчіемъ крымскихъ армянъ даетъ основаніе для сомнѣній въ правильности установленнаго предствленія о польскихъ и крымскихъ армянахъ, какъ высленцахъ изъ Аніи. Этотъ вопросъ первостепенной важности для исторіи Армении послѣ потери самостоятельности въ коренной Армeніи; онъ долженъ быть разрѣшенъ конечно не на основаніи легендъ и легендарныхъ записей, а путемъ анализа археологическихъ памятниковъ Крыма и Галиціи, въ частности—тѣхъ восточныхъ вліяній, о которыхъ говоритъ Лозинскій, и

1) При этомъ не должны быть обойдены вниманіемъ даже и такіа грубоватыя и позднія произведенія, какъ двѣ литыя бронзовыя иконы въ арм.-кат. костелѣ св. Николая (пока см. X. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, Старинныя армянскія надписи, ДВ, II, стр. 40—41). Особо долженъ быть поставленъ вопросъ о вещахъ, хотя и найденныхъ въ армянскихъ колоніяхъ, но не имѣющихъ съ ними внутренней связи, какъ, напр., превосходный образецъ армянскаго серебряныхъ дѣлъ мастерства—ковшикъ изъ морской раковины, входящій въ составъ Бердянскаго клада (ОИАК, 1894, стр. 42—43; АИАК, табл. 52; Восточное серебро, табл. LXXVII); надѣюсь скоро напечатать мою специальную замѣтку объ этомъ интересномъ предметѣ.

Нечего и говорить, что нужно спѣшить съ собираніемъ соответственныхъ произведеній коренной Армeніи, въ томъ числѣ и такихъ вещей, которыя, не будучи произведеніями ювелирнаго искусства, тѣмъ не менѣ имѣютъ съ ними тѣсную связь, какъ любопытныя оловяныя призматическія «бутылки» съ литыми изображеніями святыхъ воиновъ.

прежде всего, — изученіемъ соотвѣтственныхъ армянскихъ нарѣчій, наиболѣе надежнаго критерія въ этомъ вопросѣ.

Я уже не говорю о томъ, что разрѣшеніе этого вопроса о происхожденіи армянскихъ колоній въ Польнѣ и Крыму было бы очень важно для обсуждения пока еще гадательныхъ теорій о нѣкоторыхъ восточныхъ, въ частности армянскихъ, вліяніяхъ на русское искусство¹⁾.

II.

Въ самой тѣсной связи съ ковшомъ священника Іоанна слѣдуетъ разсматривать другой интересный ковшъ XVI в., знакомствомъ съ которымъ я обязанъ Я. И. Смирнову. Ковшъ этотъ, принадлежащій къ собранію Великаго Князя Алексѣя Александровича, хранится въ настоящее время въ Галлерей драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа²⁾.

1) Для установленія даты появленія армянъ въ Галиціи и на югѣ Россіи необходимо прежде всего съ возможной полнотой использовать тѣ скудные данныя объ армянахъ, которыя находимъ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, какъ, напр., свѣдѣніе о врачѣ-армянинѣ, жившемъ вмѣстѣ съ другими армянами въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, лечившемъ самого князя и пытавшемся оказать врачебную помощь блаженному Агапиту (Патерикъ Кіевского Печерскаго монастыря, стр. 93—95).

Въ вопросѣ о времени перваго появленія и поселенія армянъ въ Крыму и Бессарабіи исключительное значеніе могли бы имѣть даты двухъ надписей, изданныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ (ДВ, т. II, вып. III, стр. 63 и 67), если бы объ эти даты не представлялись крайне сомнительными. Въ Аккерманской надписи дата (по К.-І.) выражена такъ: *Թ. ԶԺԴ* а въ Θεοδοσίейской: *ԹՎ ՎԿԿԻԻ ՅԳԳ*. Въ обоихъ случаяхъ первая буква «даты» могла бы быть отнесена къ слову *ԹԺԳ, ԹՎ ՎԿԿ*. Дату Θεοδοσίейской надписи слѣдуетъ, вѣроятно, читать не *ԹՎ ՎԿԿԻԻ ՅԳԳ*, а *ԹՎ ՎԿԿԻԻԻ ՅԳ*: буквы, *Թ* и *Չ*, легко смѣшавъ особенно въ позднихъ надписяхъ съ составными буквами (это прекрасно видно, напр., на упомянутой выше литой иконѣ 1653 г.). Получаемая такимъ образомъ дата Θεοδοσίейской надписи 1557 г. (вм. 1047 г.) вполне подходит и къ языку этой надписи, совершенно невѣроятному въ XI в. Къ сожалѣнію, во время кратковременнаго пребыванія въ Θεοδοσίи лѣтомъ 1915 г. я не провѣрилъ чтенія этой надписи. Дату Аккерманской надписи *ԹՅ ՎԳ* трудно оправдать (если не предположить, что тутъ имѣемъ дату не по великой армянской эрѣ 551 г., а по какой либо другой), такъ какъ, не видя оригинала, не удастся подобрать букву, которую при списываніи надписи могли бы принять за *Ժ*: близко подходящія по начертанію буквы *Ծ* и *Զ* слишкомъ близки и по цифровому значенію (50 и 100), а *Ե* (500), *Զ* (700) и *Ը* (900) существенно отличаются отъ *Ժ*; возможно, что въ надписи, или ея копіи, хотя «дата не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія», опущено *Թ* (1000). — Предлагаемое, быть можетъ слишкомъ смѣлое, исправленіе чтенія датъ было бы недопустимо, если бы въ томъ же трудѣ г. Кучукъ-Іоаннесова не встрѣчались такія неточности, какъ, напр., въ передачѣ упомянутой выше надписи 1532 г. въ ц. св. Сергія въ Θεοδοσίи, гдѣ въ 13 словахъ имѣемъ 5 погрѣшностей (указ. соч., стр. 68); впрочемъ, къ этой надписи я надѣюсь вернуться въ связи съ вопросомъ объ армянскихъ рѣзныхъ дверяхъ, находящихся въ Крыму.

2) Приношу глубокую благодарность бар. А. Е. Фелькерзаму за предоставленіе мнѣ для изданія фотографій этого ковша.

Ковшъ этотъ (табл. IV) представляетъ собою двойникъ ковша священника Иоанна и вполне сходенъ съ нимъ какъ въ формѣ и размѣрахъ, такъ и въ отдѣлкѣ; отличается онъ лишь большей шириной верхней части ручки, ломанной линіей надъ каймой надписи, формой листьевъ на ручкѣ, а также обратнымъ направлениемъ изгиба ложекъ. Отличіе блишки на днѣ ковша, какъ придатка, существеннаго значенія не имѣетъ. Однако же необходимо отмѣтить, что работа этого ковша болѣе грубая, чѣмъ ковша священника Иоанна; это особенно замѣтно на каймѣ съ надписью.

На ковшѣ имѣются двѣ греческія надписи, размѣщенныя точно такъ же, какъ на ковшѣ священника Иоанна, т. е. по краю ковша и на верхней сторонѣ его ручки.

Чтеніе надписи по краю ковша приходится начинать, какъ и на ковшѣ Иоанна, со стороны, противоположной ручкѣ. Листикъ въ началѣ второй строки печатаемаго ниже текста соответствуетъ листу на ручкѣ ковша. Последнія двѣ буквы не рельефны, а врѣзаны.

ΚΟΥΠΑ ΜΕΩΡΕΟΤΑΤΙ ΜΕ ΤΟ ΓΛΙΚΩΝ ΤΟΥ ΓΟΣΒΑΛΕΣΚΟ ΠΩΗ ΠΡΟΣ
 ΣΤΗΝ ΔΕΞΙΩΝ ΚΕΓΙΡΗΣΕ ΤΟ ΓΙΡΩΣΗ ΔΣΕΘΡΩΓΥ&ΧΩΗ ΤΕΣΒΑΖΩ
 ΗΤΑΣΗΝ ΣΤΟΧΕΡΙΩ ΣΠΗΓΩΗ ΤΩ ΓΑΡ ΔΣΕ ΔΡ

Надпись эта съ исправленными орфографическими ошибками и съ разбивкой на стихи представляется мнѣ такъ:

κουπα με ωραιότατη με το γλικών το οίνος
 βάλε σκοπόν προς την δεξιάν και γύρισε το γυρος
 να σε θεωρουν οι αρχοντες βαζοντας εις το χερι
 ως πινουν το να σε πιουν.

О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ, брось озоръ въправо и обойди кругъ, чтобы тебя созерцали князья (т. е. гости), бери тебя въ руку, когда пьютъ его (т. е. вино), чтобы тебя испить.

На верхней сторонѣ ручки ковша (табл. III), помѣщена дата.

Η
 Ω
 ΗΛΡΧ
 ΕΤΑΠΘ
 ΔΦΠ
 Σ

Послѣднія четыре буквы, выражающія дату, во всякомъ случаѣ совершенно ясны: $\alpha\phi\tau\varsigma$, т. е. 1586 г. (по Р. X).

Къ доньшку ковша внутри (табл. III) плотно прикрѣплена круглая бляшка, которая тутъ имѣетъ менѣе неестественный видъ, чѣмъ на ковшѣ съ армянской надписью, не приклепана, а припаяна, и окружена подвижнымъ кольцомъ изъ серебрянаго жгута. На бляшкѣ на темносинемъ фонѣ весьма грубой эмали представленъ св. Георгій на конѣ, пронзающій копьемъ дракона, а влѣво отъ св. Георгія башенка и въ ней двѣ поясныхъ фигуры въ коронахъ. По сторонамъ головы святого помѣщена пояснительная греческая надпись

ⲠϚ ΓΙΩΓΙΟΣ *св. Георгій.*

Къ сожалѣнію, я далеко не въ силахъ использовать діалектологическій матеріалъ, представляемый греческой надписью и нуждающійся въ спеціалистѣ по новогреческимъ нарѣчіямъ; но мнѣ кажется, что многочисленныя орфографическія и грамматическія погрѣшности могли бы дать основаніе для предположенія, что греческій языкъ не былъ роднымъ для мастера, изготовившаго ковшъ.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о происхожденіи ковша съ греческой надписью представляется нелишнимъ значенія полное совпаденіе какъ во внѣшности этихъ ковшей и въ размѣщеніи надписей, такъ и въ техникахъ, да и въ датѣ: разница 37 лѣтъ, ковшъ Іоанна—1549 г., другой—1586 г.

І. Орбели.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

Ручка ковши сверху.

Ручка ковши снизу.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

1. Дно ковша съ армянской надписью 1549 г.

2. Ручка ковша съ греческой надписью.

3. Дно ковша съ греческой надписью 1586 г.

Ковшъ съ греческой надписью 1586 г.

3413-2000

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.

Юнь 1916 г.

Непрежанный Секретарь, Академикъ С. Ольденбург.

